

ПЕРВЫЙ ТОМ ПИСЕМ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПССиП И. А. ГОНЧАРОВА: ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА

Аннотация: В статье подводятся итоги комментаторской работы над 15-м томом академического ПССиП И. А. Гончарова (письма 1842–1855 гг.), определяются особенности вошедшей в том части его эпистолярного наследия — от писем, относящихся к «допечатному» периоду его творчества и до писем-очерков из экспедиции Е. В. Путятина, явившихся претекстами соответствующих глав «Фрегата “Паллада”». Отмечаются те данные комментария, благодаря которым были восполнены информационные лакуны, уточнены или скорректированы биографические и творческие сведения о писателе.

Ключевые слова: Гончаров, эпистолярный, окружение, биографика, академическое издание, научный комментарий

Информация об авторе: Гродецкая Анна Глебовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Наб. Макарова, д. 4, 199034, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: grodetskaiaag@mail.ru

A. G. Grodetskaya

FIRST VOLUME OF LETTERS OF ACADEMIC COMPLETE I. A. GONCHAROV: COMMENTATOR'S NOTES

Abstract: The article summarizes the results of commenting work on the 15th volume of academic Complete I. A. Goncharov (letters 1842–1855), defines the specifics of the part of his epistolary heritage, which entered the volume — beginning with letters related to «prepress» period of his creativity and up to letters-sketches from E. V. Putyatin's expedition, the pretexts of corresponding chapters of «Frigate “Pallad”». Those data of commentaries are noted, which fill in information lacunas, specify or correct biographic and creative information about the writer.

Key words: Goncharov, epistolary, circle, biographics, academic edition, scientific commentaries

Information about the author: Grodetskaya Anna Glebovna, DSc of Philology, Leading researcher, FGBUN Institute of Russian literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences. Makarov Emb., 4, 199034, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: grodetskaiaag@mail.ru

Вышел из печати 15-й том ПССиП Гончарова, опередив томики издания с 11-го по 14-й¹. В него включены 60 писем писателя, обращенные к 25 адресатам, написанные в течение неполных тридцати лет,

с октября 1842 по январь 1855 г. Обе рубежные даты в данном случае многоговорящи: гончаровские письма до 1842 г. неизвестны, а в 1842-м ему тридцать лет, и первое из сохранившихся писем, таким образом, принадлежит вполне сложившемуся человеку. Предшествующие годы — время учебы в Московском коммерческом училище (1822–1830) и Московском университете (1831–1834) — остались эпистолярно не представленными², мы не располагаем и письмами 1834–1841 гг., то есть времени пребывания Гончарова в Симбирске по окончании университета и первых его лет в Петербурге после приезда в столицу в мае 1835 г.

Январь 1855 г. — финальная дата участия Гончарова в экспедиции в Японию в должности секретаря вице-адмирала Е. В. Путятина. Последнее письмо, 60-е в томе, написано 14 января³ в Иркутске во время возвращения «сухим путем» в Петербург и адресовано служившему при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве в главном управлении Амурского края М. С. Волконскому, сыну декабриста, с которым писатель познакомился в августе 1854 г. в Аяне (а позднее в Иркутске — и с его родителями), отозвавшись о нем на страницах «Фрегата “Паллады”» как о «самом любезном и приятном из чиновников и людей» (2, 635). Напомним, что большая часть экипажа «Паллады», серьезно пострадавшей за время плавания и в итоге затопленной в январе 1856 г. в Императорской гавани, была перемещена на фрегат «Диана», прибывший из Петербурга в залив Де-Кастри на смену «Палладе», и продолжила плавание осенью и зимой 1854–1855 гг. в японский порт Симода⁴, где 26 января (7 февраля) 1855 г. был подписан русско-японский торговый договор (Симодский трактат). Этой завершающей части дипломатической миссии Путятина, в которой Гончаров уже не принимал участия, он, «став как будто опять плователем и секретарем адмирала» (2, 712), посвятил очерк «Через двадцать лет» (1874; см.: 2, 712–740).

Письмам, судя по многочисленным признаниям писателя, он придавал особое значение, видя возможность реализации в эпистолярной прозе того импровизационного (бессознательного) артистического начала, приоритет которого в творческом процессе для него был всегда бесспорен. «Писать — это призвание — оно обращается в страсть, — свидетельствовал Гончаров в “Необыкновенной истории” — И у меня была эта страсть — почти с детства, еще в школе! Писал к ученикам, из одной комнаты в другую — ко всем. И до сих пор так: особенно *письма*. И понятно, почему *особенно* их! Эпистолярная форма не требует подготовительной работы, планов, поэтому в ту же минуту удовлетворяет природной страсти — выразаться! Ни

лиц не нужно, ни характеров, ни деталей, ничего, что задерживает и охлаждает резвое течение мысли и воображение! Нужен только корреспондент и какой-нибудь интересующий меня сюжет <...>. Я сажусь, как музыкант за фортепиано, и начинаю фантазировать, мыслить, ощущать, словом, жить легко, скоро и своеобразно <...>. Меня иногда самый сюжет письма не интересовал или интересовал мало, но довольно, если он, хоть на время, будил мои нервы — и я давай писать!»⁵

Пристрастие Гончарова к эпистолярной форме отмечено в статье В. А. Недзвецкого «Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова», предваряющей публикацию писем: «Неизменная приверженность к эпистолярной форме, постоянная потребность в обращении к ней отличают Гончарова даже среди современных ему мастеров слова и отнюдь не объясняются только той ролью, которую играли письма в жизни людей XIX в. <...>. Подлинные причины этого феномена коренятся как в способе работы художника над основным делом его жизни — романной «трилогией», — так и в своеобразии его личности» (15, 5).

Достаточно ли полно вошедшее в 15-й том собрание писем и в какой степени эти письма, тексты которых, разумеется, сверены по подлинникам (для 14-ти уточнены датировки) и снабжены обстоятельными примечаниями, дополняют и корректируют известные биографические, творческие и личностно-психологические данные о писателе?

Заслуживает напоминания замечание И. Ф. Анненского: «Гончаров унес в могилу большую часть нитей от своего творчества. Трудно в сглаженных страницах, которые он скупно выдавал из своей поэтической мастерской, разглядеть поэта. Писем его нет, на признания он был сдержан»⁶. Сказано это в 1892 г., через год после смерти Гончарова, и к этому времени, действительно, в печати появилось незначительное число писем писателя, как по причине авторского запрета на их публикацию, высказанного в статье «Нарушение воли» (1889), так и в целом по причине гончаровской «сдержанности на признания». Последним обстоятельством, известной личностной «закрытостью» писателя, объясняется очевидный для исследователей его биографии и творчества дефицит документального материала.

То, что писем нет, как видим, не совсем верно, письма, разумеется, есть, и надо признать, что к настоящему времени гончаровский эпистолярный, насчитывающий, по данным А. В. Романовой, около 1780 документов (имеются также сведения о 230 ненайденных письмах; см.: 15, 39), в значительной степени опубликован. Истории пу-

бликации эпистолярного наследия Гончарова посвящена помещенная в томе ею же написанная статья (15, 21–40).

Первый том писем со всей очевидностью демонстрирует информационные лакуны, особенно значительные в документах и 1830-х, и 1840-х гг. — важнейшего этапа в литературной судьбе Гончарова. Так, сохранилась всего одна его короткая записка, адресованная Вал. Майкову (от июля 1846 г.), тогда как не только отношения учителя—ученика (Гончаров готовил Аполлона и Валериана Майковых к поступлению в Петербургский университет), но и философско-эстетический диалог начинающего романиста и молодого критика, безвременно погибшего, был, как известно, достаточно содержательным и продуктивным. Не сохранилась переписка Гончарова с Некрасовым, связанная с его первыми публикациями в «Современнике» — романа «Обыкновенная история» (1847. № 3–4) и следом за ним нескольких небольших текстов, напечатанных в том же журнале анонимно: рецензии «Светский человек» (1847), некролога «В. Н. Майков» (1847), очерка «Письма столичного друга к провинциальному жениху» (1848), наконец, и «Сна Обломова» (1849) в изданном при «Современнике» «Литературном сборнике с иллюстрациями». Вполне вероятно, что в конце 1840-х — начале 1850-х гг. Гончаров мог состоять в переписке и с рядом других литераторов круга «Современника», упоминаемых в его письмах (И. И. Панаев, П. В. Анненков, М. Н. Лонгинов и др.). Едва ли в полном объеме дошли до нас и его письма этих лет к издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому, в 15-м томе публикуются всего 3 письма, 1848, 1849 и 1854 гг., ему адресованных. Очевидные пробелы имеются в переписке Гончарова с симбирскими родственниками — матерью, братом, сестрами.

Вместе с тем достаточно полно в эпистолярном наследии писателя 1850-х гг. сохранился корпус подробных писем-очерков из экспедиции на фрегате «Паллада» (1852–1855), адресованных главным образом семьям Майковых и Языковых. Хорошая их сохранность (почти все подлинники — в ИРЛИ) не случайна: обе семьи были для Гончарова ближайшими дружескими семьями, где, по его словам, его «любили как родного». Открыто-доверительные отношения с Майковыми и Языковыми, как и с их ближайшими родственниками и друзьями, не изменявшие своего характера на протяжении десятилетий, располагали Гончарова к эпистолярному диалогу. «...Писать письма к приятелям для меня большая отрада» (15, 130), — признавался он вскоре после отплытия на «Палладе» в письме к М. А. Языкову из Англии от 9 (21) января 1853 г. В обеих семьях, принадлежавших к петербургским литературно-журнальным кругам, сознавали цен-

ность гончаровских посланий и сберегли его путевые письма-очерки, следуя его просьбе «берегите до меня, может быть, понадобятся мне для записок» (15, 163).

Главную задачу комментария к ранним письмам составило восполнение многочисленных информационных лакун и реконструкция для каждого документа биографического и творческого контекста, в большинстве случаев неполного и недостаточно исследованного.

Период с начала октября 1842 г. — это дата первого письма (коллективного), адресованного уехавшим в августе 1842 г. во Францию и Италию Н. А. и А. Н. Майковым, — и до выхода в свет в 1847 г. первого гончаровского романа, то есть «допечатный» этап биографии писателя, представлен всего 7-ю письмами. Главным образом это письма Майковым, как старшим — живописцу Н. А. Майкову и его жене, так и младшим, и их ближайшему «домашнему» кругу. Отношения Гончарова с «фамилией талантов» (по известному определению П. А. Плетнева), с семьей, в которую в 1835 г. он вошел домашним учителем Аполлона и Валериана и дружеские отношения и переписку с которой поддерживал на протяжении десятилетий, едва ли можно отнести к категории малоизученных. Так называемый «майковский период» творчества Гончарова, связанный с его участием в рукописных изданиях семьи — журнале «Подснежник» (1835, 1836, 1838) и альманахе «Лунные ночи» (1839), в научной и биографической литературе в достаточной степени освещен⁷, опубликованы и письма Гончарова к Аполлону Майкову 1842—1888 гг.⁸ Однако многое в этих длительных дружеских и творческих контактах до недавнего времени оставалось неизвестным, и по большей части, надо признать, это относится к Евгении Петровне Майковой (урожд. Гусятниковой; 1803—1880) и ее родственно-дружескому окружению⁹. Стоит отметить, что и в «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова», составленной А. Д. Алексеевым, «майковскому периоду» отведено всего пять страниц¹⁰. Небогата и мемуарная литература.

Из числа ранее не публиковавшихся в 15-й том вошли 4 письма — к Евг. П. Майковой от 11 октября 1842 г., к Н. А. Степанову от 3 июля 1849 г., к Ф. А. Кони от 10 мая 1852 г. и к Е. А. Языковой от 12 августа 1852 г. (15, 47, 77, 96, 97–99). Первое из них — небольшая записка к Евг. Майковой от 11 октября 1842 г. (в подлиннике — без указания года; датирована по содержанию). «Препровождаю с человеком, — писал Гончаров, — взятые мною в воскресенье 1 и 2 №№ “Москвитянина”, и так как Владимир Андреевич (Солоницын. — А. Г.) позволил мне пользоваться и следующими, то Вы очень обяжете меня, милостивая государыня Евгения Петровна, если пришлете не следующие

два номера, потому что я уже читал их прежде, а 5 и 6 или 7 и 8, какие у Вас случатся под рукой и какие Вы, разумеется, не читаете сами. Наконец, если этого ничего нет, то присылкою последней книжки “Отечественных записок” Вы докажете, что в числе Ваших бесчисленных достоинств начиная с *молодости* и *красоты* — третье место занимает — *любезность* в высшей степени» (15, 47–48).

В процитированном тексте немаловажно упоминание «воскресенья» — в доме Майковых гости собирались по воскресеньям, подтверждение чему можно найти в мемуарных источниках. Еще существеннее упоминание «Москвитянина» и «Отечественных записок», активной читательницей которых была Евгения Петровна. Москвичи, переехавшие в Петербург в 1834 г., старшие и младшие Майковы, в особенности же Евгения Петровна, происходившая из московского купеческого рода Гусятниковых, поддерживали в семье своеобразный культ Москвы. Аполлон Майков, например, не без иронии по отношению к «пылкому» чувству матери в письме к ней из Рима (начала весны 1843 г.) вспоминал, что она «всегда защищала Москву»: «...я помню вас, как вы защищали ее ото всех нападений и острог петербургских жителей, то как бешеная львица, то как слабая женщина...» (цит. по: 15, 276). Всю семью Майковых отличал пылкий «русизм», горячий патриотический и монархический настрой, важная семейная составляющая духовной биографии Аполлона Майкова. В автобиографии (1887) он писал: «Матушка моя, как москвичка, выписывала “Москвитянин” Погодина; <...> главное, что меня в нем пленило, это — открытие славянского мира. То есть это было так: мир “Москвитянина” вместе с занятиями русской историей были для меня главное, чем я старался овладеть» (Там же).

Нельзя не отметить, что именно Евгения Петровна была основным адресатом писем Гончарова, обращенных ко всей семье, именно она, а не Николай Аполлонович вела семейную переписку, что подтверждает богатый семейный архив. Известны всего 2 письма Гончарова 1859 года, обращенные непосредственно к Н. А. Майкову, и в одном из них, от 29 июля (10 августа), он отметил: «Я не помню, Николай Аполлонович, чтобы я когда-нибудь писал собственно к Вам, а всё больше к Евгении Петровне или вообще в семейство Ваше писал...» (15, 513). В некрологе «Н. А. Майков», опубликованном в газете «Голос» (1873. № 238; без подписи), Гончаров вспоминал: «...и женитьба, и вообще семейная жизнь не только не отвлекали его от искусства — напротив, избавив его от всяких мелких житейских забот, помогли ему устроить среди семьи артистическое гнездо, где он провел всю свою долгую жизнь, то теряясь между полотнами, моделями, слепками, гравюрами

и картинами, в своей мастерской, то отдыхая за книгой или в кругу семейных лиц. Ко всему другому, кроме интересов искусства в той или другой сфере — он был холоден, относился беспечно, с каким-то простодушным неведением житейских забот»¹¹.

Именно Евгения Майкова (как и В. Андр. Солоницын, о котором ниже) была центром домашнего кружка, к которому со второй половины 1830-х были близки, помимо Гончарова, В. Г. Бенедиктов, И. П. и В. П. Бороздны и сокурсники младших Майковых — С. С. Дудышкин, М. П. Заблоцкий-Десятовский, В. Ап. Солоницын, А. В. Старчевский, И. И. Льховский. В 1840-е и 1850-е гг. в доме Майковых бывали Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, И. С. Тургенев, Ф. М. и М. М. Достоевские, А. Н. Плещеев, Г. П. Данилевский и многие другие.

Поэт и прозаик, Евгения Майкова активно участвовала в рукописных изданиях семьи, несколько романтически окрашенных стихотворений и повестей она опубликовала в 1840–1850-х гг. в «Библиотеке для чтения» и «Семейном круге», два рассказа для детей в начале 1860-х — в журнале «Подснежник», издававшемся Владимиром Майковым, третьим сыном-литератором в «фамилии талантов». Гончаров ценил ее литературные суждения и многие годы сохранял к ней ту «беспредельную признательность», о которой писал в раннем полуэпистолярном-полубеллетристическом наброске <«Упрек. Объяснение. Прощание»> (1843; см.: 1, 532–533; примеч.: 1, 820–822). «Прощание» в этом тексте связано с отъездом Евгении Петровны в июне 1843 г. вместе с мужем, сыновьями Валерианом и Леонидом и Солоницыным в Германию и Францию¹².

В письме к Майковым от 22 июля 1843 г., вспоминая их недавний отъезд и, вероятно, свое «объяснение», Гончаров писал: «...в дружбе объясняться нет надобности, потому что недавно расстались и забыть друг друга никак не могли; что касается до любви, то объясняться Вам в ней, Евгения Петровна, нахожу теперь неудобным, даже опасным, потому что письма получает с почты, вероятно, Николай Аполлонович и, пожалуй, прочтет...». Переходя на серьезный тон, он продолжал: «В течение недели я еще могу кое-как помириться с мыслью, что Вы за границей, но едва настанет воскресенье — я с утра начинаю сильно чувствовать, что Вас нет: Вы оставили страшную пустоту» (15, 54–55). Позднее, вспоминая (в письме из Сингапура от 25 мая (6 июня) 1853 г.) об «укромном и много любимом им уголке, в котором он так ласково был пригрет половину своей жизни» (15, 162), он имел в виду прежде всего Евгению Майкову.

Для человека закрытого, мнительно-недоверчивого, каким был Гончаров, адресат письма значил исключительно много. Адресат

определял степень доверия, открытости и, что не менее важно, степень стилистической свободы автора письма, в том числе и присутствие в тексте масочных, игровых приемов¹³. В письмах Гончарова Майковой возникает то диалогизированное слово и тот игровой диалог с адресатом, в котором последний заранее подготовлен к восприятию известной условности текста и чувствует грань между серьезностью и иронией. Наполненные шутливыми намеками, передающие «резвое течение мысли» эпистолярные обращения Гончарова к Евгении Петровне воссоздают характерную в целом для дома Майковых атмосферу непринужденности и живой игры, которые были, видимо, писателю особенно дороги в дружеских отношениях.

Не без участия Евгении Петровны, если верить Гончарову, он неожиданно для себя принял решение отправиться в экспедицию на «Палладе». В письме из Портсмута от 20 ноября (2 декабря) 1852 г. он напоминал ей: «Ехать в самом деле: да ни за какие бы миллионы; у меня этого и в голове никогда не было. Вы, объявляя мне об этом месте (секретаря), прибавили со смехом: “Вот вам бы предложить!” Мне захотелось показать Вам, что я бы принял это предложение. А скажи Вы: “С какой бы радостью вы поехали!” — я бы тут же стал смеяться над предположением, что я поеду, и, разумеется, ни за что бы не поехал. Я пошутил, говорю Вам <...>, а между тем судьба ухватила меня в когти, и вот я — жертва своей шутки» (15, 113). И вновь о том же спустя полтора года Гончаров напомнил в письме от 15 июля 1854 г., написанном в заливе Хаджи, когда экипаж «Паллады» готовился к сопротивлению английскому военному десанту: «Наши укрепляются здесь, строят батареи, готовятся драться... Смотрите, Евгения Петровна, остерегайтесь сказать что-нибудь при этом. Помните, Вы сказали: “Вот если б Вам предложили, Ив<ан> А<лександрович>, ехать кругом света, то-то бы рассердились”, — и я поехал. Вот молвите только: “Пойдете Вы драться с англичанами, как не так”, — и посмотрите, если я первый не полезу к пушке. Не берите же еще греха на душу, скажите лучше: “А чего доброго Ив<ан> Ал<ександрович>, пожалуй, сунется и в сражение”, — и я струшу» (15, 216).

Стоит добавить, что Гончаров не был одинок в своей «беспредельной признательности» Евгении Петровне. Благодарные воспоминания оставили о старших Майковых А. В. Старчевский, И. И. Панаев, Д. В. Григорович, С. Д. Яновский, Е. А. Штакеншнейдер. Несколько стихотворных посланий посвятил Майковой В. Г. Бенедиктов. О своем «сыновнем уважении» ей писал Ф. М. Достоевский (в письме от 14 мая 1848 г.), а в письме из Петропавловской крепости от 22 декабря 1849 г. просил брата: «Скажи несколько слов, как можно более

теплых, что тебе самому сердце скажет, за меня Евгении Петровне. Я ей желаю много счастья и с благодарным уважением всегда буду помнить о ней»¹⁴. Г. П. Данилевский в письме к Майковой от 30 апреля 1853 г., назвав ее дом «второй родиной», признавался: «Ваш уголок, с поэзией живописи и с живописью поэзии, с пением и добротой сердец, обитающих в нем, мне всегда казался каким-то волшебством; каким-то ясным и успокаивающим исключением из общего нашей жизни»¹⁵. И. И. Лажечников, посылая Евгении Петровне свои сочинения и благодаря ее за письмо, обещал «хранить его как драгоценный диплом»: «Похвала умной и любящей женщины дороже для меня журнальных отзывов»¹⁶. Для Аполлона Майкова мать неизменно оставалась «образцом всех женщин»¹⁷.

Выразительные характеристики отношения Гончарова к семье Майковых находим в нескольких его письмах. Так, он писал им 14 (26) марта 1854 г. из Пио-Квинто: «Не сердитесь, что письмо вяло и неполно. Я сообщаю вам кое-какие крупные сведения, на выдержку. Подробности записаны у меня в путевых записках, иногда с литературными замашками, но без всякой лжи. Если доеду и привезу их, то прочту, разумеется, вам первым. <...> Не знаю, даст ли мне Бог этот праздник в жизни: сесть среди вас с толстой тетрадью и показать вам в пестрой панораме всё, что проходит теперь передо мной. А хотелось бы» (15, 213). И еще один фрагмент — из процитированного выше июльского письма 1854 г.: «Если меня не потревожит слишком холод, голод, цинга и особенно смерть, то я желал бы — писать. И знаете ли, что меня больше всего побуждает к этому? То, что вы так дружески благословили меня на труд, то, что мне стыдно бы было явиться с пустыми руками, не в публику, а к вам, в *ваш маленький кружок*, самый маленький то есть, — да вы знаете, кто его составляет. Из посторонних прибавьте сюда Бенедиктова и Льховского, если только они посторонние. К вам я прежде всего пойду искать награды, а потом уж в публику или к Андрею Алекс<андровичу> (Краевскому. — А. Г.). И это единственный знак дружбы, который только и могу дать за то, что 20 лет принадлежу, так сказать, к вашему семейству. Лишним считаю напоминать о Вас, друг мой Ю<ниньк>а: Вы нераздельны у меня в мыслях с Майковыми <...>. Иногда позволяю себе помечтать: будто я с толстой тетрадью вхожу к вам — и Николай Апол<лонович> обрадовался почти так же, как тогда, когда поймал леща» (15, 215–216; курсив мой. — А. Г.).

Юнинька — это Юния Дмитриевна Ефремова (урожд. Гусятникова), рано осиротевшая племянница Евг. П. Майковой, жившая в ее семье. На десятилетия она осталась для Гончарова одним из самых

преданных корреспондентов¹⁸, была его «Агафьей Матвеевной», принимая участие в устройстве его бытовых дел. Из известных 54-х писем писателя 1847–1874 гг., ей адресованных, в 15-й том вошли 5 писем 1847–1855 гг.

Далеко не посторонним в майковском «маленьком кружке» был, как видим, очеркист, литературный критик Иван Иванович Лъховский (1829–1867). В 1847–1850 гг. он учился на юридическом факультете Петербургского университета одновременно с Владимиром Майковым, благодаря чему сблизился со всей семьей и познакомился с Гончаровым. Несмотря на 17-летнюю разницу в возрасте, Лъховский стал для писателя одним из ближайших друзей, и именно к нему обращена просьба Гончарова: «Ах, Лъховский: если я умру, растолкуйте, пожалуйста, другим, что я был за явление. Вы только и можете это сделать. Вам я завещаю мысль свою о *художнике...*» (15, 177). Речь идет о художнике Райском, герое будущего «Обрыва». В 15-м томе публикуется первое из известных 13-ти писем Гончарова к Лъховскому¹⁹. С Лъховским Гончаров будет делиться творческими планами и сомнениями, предпочитая его «тонкий суд» любому другому. Так, перерабатывая в 1858 г. рукопись «Обломова», он «буквально последовал» многим его «неоцененным» замечаниям²⁰. По просьбе Гончарова Лъховский в 1857–1858 гг. держал корректуры и наблюдал за печатанием «Обыкновенной истории» (2-е изд. СПб., 1858) и «Фрегата “Паллады”»; «очерки путешествия» вышли с написанным им «Предисловием от издателя» (СПб., 1858. Т. 1). О его рецензии на издание «Фрегата “Паллады”»²¹ Гончаров писал: «Вы лучше всех поняли, как надо смотреть на мои путевые записки <...>, Вы дали образчик блистательной дружбы и литературного такта»²². В 1859 г. при содействии Гончарова Лъховский был определен в кругосветное плавание на корвете «Рында», результатом которого стала публикация двух очерков, созданных в традиции «Фрегата “Паллады”», — «Сан-Франциско» и «Сандвичевы острова»²³. С 1861 по март 1863 г. Лъховский служил начальником типографии Морского министерства, способствуя переизданию в 1862 г. в казенной типографии «Обыкновенной истории», «Фрегата “Паллады”» и «Обломова»²⁴.

История биографических и творческих контактов Гончарова еще с одним участником «маленького кружка», с В. Г. Бенедиктовым, по-этом и преуспевающим чиновником Министерства финансов, остается, к сожалению, в силу дефицита документальных свидетельств, вне исследовательского внимания. С Бенедиктовым Гончаров был знаком с середины 1830-х гг., связанный с ним как близостью к семье Майковых, так и по службе. Два стихотворных послания поэт посвя-

тил Гончарову — накануне его путешествия на «Палладе» («И. А. Гончарову», 1852) и по возвращении из него («И. А. Гончарову», 1858). Письма Гончарова к Бенедиктову не сохранились, хотя известно, что во время плавания на «Палладе» он состоял с ним в переписке, имеются сведения по меньшей мере о двух его несохранившихся письмах поэту с борта фрегата (см.: 15, 144, 223, 245). Не случаен поэтому и подзаголовок «Письмо к В. Г. Бенедиктову» (2, 100) в третьей главе «Плавание в Атлантических тропиках» первого тома «Фрегата “Паллады”». Можно предположить, что у этой главы, как и у большинства очерков, составивших позднее книгу, имелся эпистолярный претекст. Во всяком случае, в гончаровском «Письме к В. Г. Бенедиктову», с его эффектными «бенедиктовскими» метафорами и, наряду с ними, — полемическими прозаизмами, имеет смысл видеть не только художественный прием.

Близость Гончарова с литературным домом Майковых, как уже говорилось, — явление нескольких десятилетий. И если начальный этап этой близости к настоящему времени в достаточной степени документирован и изучен (в том числе и в работе над 15-м томом ПССиП), то исследование позднейших контактов писателя с Майковыми и их окружением — дело будущего.

На текущем этапе биографических разысканий имеет смысл подвести промежуточные итоги. Благодаря знакомству с Н. А. и Евг. П. Майковыми Гончаров сблизился с несколькими петербургскими домами, с которыми старшие Майковы были дружески связаны. Среди них в той или иной степени исследованы его контакты с семьей княгини В. Ф. Шаховской, благодаря двум сохранившимся письмам писателя, 1844 и 1849 гг. Ранее публиковавшиеся²⁵, они вошли в 15-й том (15, 56–60, 76–77).

Ниже приводятся краткие сведения о лицах из окружения Майковых, неоднократно упоминаемых в письмах писателя, однако или вообще не отмеченных в биографической и научной литературе, в том числе и в «Летописи жизни и творчества», или же идентифицированных ошибочно²⁶.

Азаревичи (Азаревичевы). С семьей Азаревичей старшие Майковы много лет поддерживали родственно-дружеские отношения, в 1840–1850-х гг. в их доме бывал и Гончаров. Александр Аполлонович Азаревич (Азаревичев) (1805–1870) — горный инженер, к концу жизни гвардии полковник; по ряду данных, внебрачный сын директора московских (1810–1814) и петербургских (1821–1825) Императорских театров Аполлона Александровича Майкова (1761–1838), отца Н. А. Майкова, носивший фамилию матери, актрисы (фигурантки)

Императорских театров. Как вспоминал Р. М. Зотов, «у Азаревичевой были две дочери, воспитывавшиеся в театральной школе. <...> Был, кажется и сын, дослужившийся потом до полковника»²⁷. А. А. Азаревич был женат на Наталье Александровне Майковой (урожд. Измайловой), дочери поэта-сатирика А. Е. Измайлова; первым ее мужем был младший брат Н. А. Майкова — Валериан Аполлонович (1805–1837), гвардии полковник. С октября 1839 г. Н. А. Майкова состояла старшей классной дамой (инспектрисой) Екатерининского института, где в начале 1840-х на институтских «пятницах» регулярно бывал Гончаров. Институту и учившимся в нем пепиньеркам посвящены два его ранних очерка <«Хорошо или дурно жить на свете?»> (1841–1842) и «Пепиньерка» (1842) (см.: 1, 507–531; примеч.: 1, 804–820). Сведения более позднего времени о Н. А. Азаревич содержат воспоминания Н. К. Багратион-Имеретинского, относящиеся к августу 1854 г., ко времени Крымской войны, когда их автор находился в Петергофе. Проникнутый патриотическими настроениями мемуарист сообщал, что ведет деятельную переписку «с одной почтенной личностью. Это была Наталья Александровна Азаревич, дочь писателя Измайлова, умная, просвещенная и вполне русская женщина». Здесь следовала сноска: «Н. А. Азаревич, супруга богатого московского помещика А. А. Азаревича, находилась в родстве с семейством Майкова. Слог — есть человек, и по выпискам можно судить о наблюдательности и уме этой женщины»²⁸. Автор имеет в виду выписки из двух ее писем о событиях Крымской войны от начала осени 1854 г., которые он включил в свои воспоминания. «Она жила постоянно в Петербурге, — продолжал мемуарист, — имела возможность выезжать в общество и принимать его у себя»²⁹.

Бороздны. Брат поэта Ивана Бороздны (1804–1858), Василий Петрович Бороздна (1793–1850-е) и его жена Любовь Ивановна участвовали в домашних рукописных изданиях семьи Майковых. Бороздны — старинный дворянский род Черниговской губернии³⁰. В прошлом чиновник посольской канцелярии, автор «Краткого описания путешествия Российско-императорского посольства в Персию в 1817 году» (СПб., 1821), В. П. Бороздна в 1840-х гг. состоял директором 1-го отделения Экспедиции государственных кредитных билетов (Ассигнационный банк) Министерства финансов. Семья В. П. Бороздны жила в собственном доме на углу Фурштатской (д. 44) и Таврической (д. 12) улиц³¹, здесь бывали как Майковы, так и Гончаров. Ранее при публикации писем Гончарова (и при их цитировании) Василий Петрович Бороздна, прежде не названный в числе друзей семьи Майковых, ошибочно идентифицировался как В. П. Боткин³².

Поклоны семье Бороздны Гончаров регулярно передает в письмах Майковым с борта фрегата «Паллады».

Оржицкие. В имении Оржицких под Петергофом находилась вся семья Майковых, когда трагически погиб во время купания Валериан Майков. Подробное описание его гибели и похорон в Ропше содержит письмо Гончарова к А. П. и Ю. Д. Ефремовым от 22 июля 1847 г. (15, 64–69). С семьей Николая Николаевича Оржицкого (Оржитского) (1796–1861), отставного штабс-ротмистра, получившего фамилию по названию родового имения — мызы Оржицы в Петергофском уезде в 20 км от Петергофа, Майковы были дружны с конца 1830-х гг. Их знакомство было, судя по всему, дачным, т. к. Майковы в разные годы неоднократно снимали дачи под Петергофом и Ораниенбаумом (едва ли случайно поэтому и упоминание «петергофской дачи» Адуева-старшего в «Обыкновенной истории» — см.: 1, 319). Осужденный и сосланный по делу декабристов, лишенный чинов и дворянства, Н. Н. Оржицкий в 1830-х гг. получил разрешение поселиться в Оржице, где состоял под официальным надзором с запретом на въезд в столицы. Был женат на Софье Федоровне (урожд. Крюковской), в семье было семеро детей — три сына и четыре дочери (см.: 15, 298–299)³³.

Тепляковы. С семьей Алексея Григорьевича Теплякова (1805–1872), путешественника, дипломата, литератора, издателя сочинений брата, поэта В. Г. Теплякова, автора воспоминаний о нем³⁴, Майковы с конца 1830-х гг. поддерживали дружеские отношения, посещая его вечера, на которых бывали петербургские литераторы³⁵. Сведения о встречах с Тепляковым имеются в письмах Ап. Майкова начала 1840-х гг.³⁶ В письмах Гончарова А. Г. Тепляков и члены его семьи упоминаются неоднократно.

В 1842–1843 гг. переписка домашнего «кружка» Майковых с жившими в Италии А. Н. и Н. А. Майковыми стала регулярной, приобрела характер хроники. Именно эту особенность эпистолярного общения выделяет Гончаров в письме к Майковым от первых чисел октября 1842 г., имея в виду посещения Екатерининского института: «...веду секретную хронику сердечных институтских дел как секретарь» (15, 44). Позднее, в письме от 22 июля 1847 г. к Ю. Д. Ефремовой, уехавшей с мужем в Варшаву, он вновь отметит собственную задачу хроникера событий: «...я думал служить Вам газетой ежедневного сонного течения мелочных дел, случаев, занятий, которые бы живо напоминали Вам всё, всех и каждого в оставленном Вами кругу» (15, 65).

Ранние «домашние» письма Гончарова Майковым есть основания рассматривать как прообраз его хроникальных писем с борта фрегата «Паллады», адресованных тем же корреспондентам. Гончаров не то чтобы предугадывает свою роль хроникера экспедиции Е. В. Путятина, он определяет органичную для себя уже в 1840-е гг. форму повествования — фиксацию мелких бытовых и психологических наблюдений, жанровых сценок, проходящих перед глазами стороннего, объективного наблюдателя. Композиция подобного рода текстов (а сюжет письма, как мы помним, автора «не интересовал или интересовал мало») определялась естественной последовательностью событий.

Нельзя не отметить попутно, что, уехав летом 1849 г. на родину в Симбирск, проследовав через Москву и Казань, Гончаров впервые за 14 лет (с 1835!) покинул Петербург, что, возможно, вне исследования его эпистолярия и не показалось бы столь характерным для будущего автора «Обломова». Путешествие становится в данном случае поводом для написания писем и формообразующим началом для беглых дорожных зарисовок и впечатлений. Из Симбирска 13 июля 1849 г. написано подробное, многостраничное письмо Майковым — первое в эпистолярии Гончарова письмо-очерк, аналогичное по своей композиционно-смысловой структуре будущим письмам-очеркам из экспедиции на «Палладе».

Если за время с 1847 г. (публикация «Обыкновенной истории») и до отплытия на «Палладе» в октябре 1852 г. сохранилось 18 гончаровских писем, то за два с небольшим года, с октября 1852 по январь 1855 г., то есть за время экспедиции, до нас дошли 35 писем. Письма с борта «Паллады» — это и летопись плавания, в которой отразился весь маршрут, и ценнейший материал для творческой истории «Фрегата “Паллады”»³⁷, эпистолярные варианты будущих очерков двухтомной книги, и — бесценный документально-биографический материал, при очевидном дефиците последнего.

Переписка во время плавания на «Палладе» выдвинула в число ближайших корреспондентов Гончарова семейство Михаила Александровича Языкова (1811–1885). История отношений писателя с семьей Языкова, с его женой, художницей Екатериной Александровной Языковой (урожд. Белавиной; ум. 1896)³⁸, старшими братьями и родственниками по линии жены, остается, признаем это, совершенно не изученной. И только письма с борта «Паллады» позволили в малой степени (!) эту историю прояснить.

Контакты Гончарова с М. А. Языковым и его семейно-дружеским кругом требуют дальнейшего исследования, как и сам Языков заслуживает обстоятельного биографического очерка. Как писал А. Ф. Кони в его некрологе, «вся история русской литературы, с начала сороковых годов, прошла в живых образах ее лучших представителей пред глазами М. А. Языкова; в личной жизни многих из них он играл разнообразную, но всегда симпатичную роль — и воспоминания о великом русском критике, о молодой редакции “Современника”, о первых литературных опытах людей с знаменитыми впоследствии именами — сливаются с памятью о нем. Восторженный поклонник таланта, услужливый друг, практический советник, занимательный и остроумный рассказчик, без всякого оттенка самохвальства или лицемерной преданности, из прорех которой сквозит иногда худо скрытая зависть, Языков тесно слился с интересами литературы и оставался им верен до конца»³⁹.

Биография Языкова действительно вписана в творческую и дружескую жизнь петербургских литераторов 1840–1850-х гг. Ничего сам не писавший⁴⁰, что не без сожаления отмечали его современники, Языков был, по словам А. Я. Панаевой, «со всеми литераторами на дружеской ноге»⁴¹. Соученик по Благородному пансиону при С.-Петербургском университете и ближайший друг И. И. Панаева, Языков с 1839 г. стал одним из близких друзей Белинского, с 1842-го — постоянным участником его петербургского кружка. В 1840–1850-х гг. Языкова связывали дружеские отношения с большинством литераторов круга «Отечественных записок» и «Современника» (Некрасовым, Тургеневым, Григоровичем, Лонгиновым, Анненковым и др.), среди которых он имел репутацию каламбуриста и остролова. В «Необыкновенной истории» Гончаров вспоминал о кружке Белинского: «...я <...> не сближался сердечно со всем кружком <...> чуждался (между прочим, по природной дикости своего характера) тесного сближения с тем или другим, кроме семейства доброго Мих<аила> Языкова, где меня любили как родного, и я платил тем же»⁴².

Сближение с Языковым, вхождение в его литературный дом значительно расширило, насколько можно судить по опубликованным письмам, литературные контакты Гончарова. Оба дома, и Майковых, и Языковых, что стоит подчеркнуть, были чужды петербургской салонности, это — семейные дома, в каждом из которых Гончарову был, несомненно, дорог широкий родственно-дружеский круг. Воспоминаний о визитах в семейство Языковых Гончаров не оставил, в отличие от многих других посетителей их гостеприимного дома при

петербургском Императорском Стеклянном и фарфоровом заводе⁴³, но упоминания об этих визитах в его письмах достаточно часты.

В гончаровских письмах Майковым и Языковым из экспедиции на «Палладе» очевидна равная близость двух семейств автору. Еще до отъезда, в письме от 23 августа 1852 г. он признавался Е. А. Языковой: «Хандра моя, как я Вам, кажется, уже писал, есть не что иное, как болезненное состояние, которому причиной нервы. <...> От этого я и стараюсь прятаться и, *кроме Майковых да Вас, ни к кому не хожу*» (15, 99; курсив мой. — А. Г.). Майковым в начале путешествия, 20 ноября (2 декабря) 1852 г., Гончаров писал из Портсмута: «Так, пожалуйста, не жалейте обо мне и запретите жалеть Языкову, которого самого и семью отчасти сливаю в уме (видите, *в уме*, ведь не ошибся, не сказал: *в сердце*) с Вашей, хотя знаю, что он любит меня не так, как Вы, а иначе, и любит потому, что не может почти никого не любить, стало быть, по слабости характера; он даже изменит мне по-женски, посадит кого-нибудь другого на мое место. Но это ничего: я только приеду и опять найду тотчас свое место и в сердце у них, и за круглым столом» (15, 113). Имеет смысл отметить и своеобразную параллельность, зеркальность текстов писем, адресованных обоим семьям, дублирование описаний событий, хотя в письмах Майковым значительно активнее *домашний* контекст, понятные адресатам подчеркнута *домашние* реминисценции и сквозные мотивы. Гончаров, как правило, стилизует текст, сообщая ему идиллическую тональность, не случайны в письмах Майковым определения «уголок», «кружок», акцентирующие идиллику патриархально-семейного, замкнутого и самодостаточного домашнего пространства.

В письмах Языковым, как и в письмах Майковым, обнаруживается целый ряд имен, ранее в литературе о Гончарове не упомянутых или же ошибочно идентифицированных. Это, во-первых, старшие братья Михаила Александровича — Павел Александрович (1798–1862) и Петр Александрович (1800–1869) — «богатые и бонтонные родственники», как определил их позднее мемуарист, журналист и драматург А. П. Редкин, ребенком и подростком часто бывавший в семействе М. А. Языкова⁴⁴. Павел Языков в 1832–1855 гг. состоял управляющим Императорского Стеклянного и фарфорового завода, с 1840 г. — также Выборгского зеркального завода; действительный статский советник, с 1851 г. — член Кабинета Е. И. В. Более чем вероятно, что именно он послужил одним из прототипов старшего Адуева в «Обыкновенной истории». Вспомним его рассказ о собственной деятельности «промышленника»: «...у меня и служба и завод... <...> Стеклянный и фарфоровый; впрочем, я не один: нас трое компаньо-

нов» (1, 202). Петр Языков — военный инженер-путеец, специалист по военной географии и геодезии, в 1840-х гг. инспектор классов в Институте корпуса путей сообщения, в 1858–1865 гг. директор Департамента железных дорог; генерал-майор (1849), генерал-лейтенант (1859).

О жене М. А. Языкова выше уже говорилось, а вот Эликонида (Элликонида) Александровна Белавина (ум. 1894), ее незамужняя сестра, жившая в семье, заслуживает, несомненно, дополнительных биографических разысканий. В 15-м томе публикуется единственное известное письмо Гончарова, ей адресованное, от 30 июля (11 августа) — 10 (22) августа 1853 г. (15, 181–183), но в его письмах ко всему семейству неизменно присутствуют и обращения к Эликониде Александровне. «Преоригинальная личность», согласно воспоминаниям А. П. Редкина, Эликонида Белавина в молодости посещала лекции в Сорбонне, позднее в Петербурге «продолжала свои разносторонние учебные занятия <...> развила свой ясный от природы ум и выработала себе определенные взгляды. Но главною чертою ее натуры была необыкновенная доброта и отзывчивость к чужой нужде»⁴⁵. С Белавиной Гончаров, вероятно, познакомился в начале или середине 1840-х гг., когда сблизился с М. А. Языковым. Как свидетельствовал Редкин, «не один из молодых людей, бывавших в доме Языкова, втайне питал нежное чувство к этой девушке <...>; говорят, даже степенный и вялый Ив. Ал. Гончаров увлекся ею настолько, что едва не сделал ей предложение»⁴⁶. Воспоминания Редкина — единственный мемуарный источник, содержащий сведения об этом увлечении Гончарова.

И еще целый ряд имен из окружения М. А. Языкова Гончаров повторяет из письма в письмо.

Колзаковы. Ростовские. Александра Александровна Колзакова (урожд. Языкова; 1802–1880), сестра М. А. Языкова; Андрей Андреевич Колзаков (1780–1853), ее муж, член Совета военно-учебных заведений, генерал-майор; их дочь Евдокия Андреевна Ростовская (урожд. Колзакова; 1822–1899), состоявшая в браке с Михаилом Александровичем Ростовским (1817–1859), чиновником Министерства внутренних дел, действительным статским советником⁴⁷. Письма Гончарова к семье Языковых первой половины 1850-х гг., в которых многократно упоминается Авдотья Андреевна (иногда: А. А.), говорят о его нешуточном увлечении племянницей Языкова, однако эта подробность предметом серьезного исследования для биографов писателя не стала.

Причиной этого могла быть текстологическая ошибка, допущенная при первой публикации писем Гончарова из экспедиции на

«Палладе». Впервые при публикации Б. М. Энгельгардтом письма Гончарова к Языковым из Лондона от 3 (15) ноября 1852 г. возникла неверная конъектура: «Ав<густе> А<ндреевне>» вместо: «Ав<дотье> А<ндреевне>»⁴⁸ (ср.: 15, 106). В тексте другого его письма к Языковым, из Кейптауна от 17 (29)–18 (30) марта 1853 г., было также напечатано: «Августе Андреевне»⁴⁹, хотя в подлиннике отчетливо читается: «Кланяйтесь Авдотье Андреевне и Михайлу Алекс<андровичу> с родителями...»⁵⁰. В комментарии было указано, что речь идет об Августе Андреевне Колзаковой, сестре Андрея Андреевича Колзакова (родившегося в 1780 г. — А. Г.), хотя сведения об Августе Колзаковой отсутствуют, и тем более нет сведений — об увлечении ею Гончарова. Информация об Августе Андреевне была повторена А. И. Груздевым в комментариях к опубликованным им письмам Гончарова к И. И. Лъховскому⁵¹, для которого, судя по всему, увлечение писателя Авдотьей Ростовской не было тайной. Так, например, в письме от 13 (25) июня 1857 г. Гончаров просил Лъховского «не отправлять фотографии А. А.», поскольку, как он пояснял, «не хочет изменять там дела»⁵². В примечании к этому фрагменту читаем: «Речь идет, по-видимому, об Августе Андреевне Колзаковой, сестре генерал-майора Андрея Андреевича Колзакова (ум. в 1854 г.), женатого на сестре М. А. Языкова, Александре Александровне. В середине 50-х годов Гончаров был сильно увлечен Августой Андреевной, в своих письмах к Языковым неизменно называл ее своим близким и “вечным” “другом” (ср. «Литературное наследство», кн. 22–24, 1935, стр. 360, 370, 395), но в 1857 г. между ними произошла серьезная размолвка, за которой последовал и окончательный разрыв дружеских отношений, о чем и идет речь в данном письме Гончарова к Лъховскому, очевидно, хорошо посвященному во всю эту историю»⁵³. Ошибочная конъектура была исправлена в тексте письма от 3 (15) ноября 1852 г. Т. И. Орнатской («Ав<дотье> А<ндреевне>») в подготовленном ей для «Литературных памятников» издании «Фрегата “Паллады”»⁵⁴. Однако прочтение «Августе» вновь возникает в тексте письма из Кейптауна от 17 (29)–18 (30) марта 1853 г.⁵⁵ Очевидно, что во всех случаях речь шла об Авдотье (Евдокии) Ростовской (урожд. Колзаковой), племяннице М. А. Языкова, ее родителях и муже.

Крайне немногочисленными остаются материалы, связанные со службой Гончарова в Департаменте внешней торговли Министерства финансов⁵⁶, тогда как в Департаменте он прослужил 20 лет, опреде-

лившись на службу в должности переводчика в мае 1835 г. (с чином губернского секретаря) и оставив ее только в декабре 1855 г., по возвращении из плавания на «Палладе», получив в результате исполнения секретарской миссии при Е. В. Путятине — «вне правил», «за особые заслуги» — чин статского советника⁵⁷.

Нельзя не отметить, что Департамент внешней торговли Министерства финансов при министре финансов *литераторе* Е. Ф. Канкрине⁵⁸ (высоко ценившем умение писать «официальную прозу»⁵⁹), при вице-директоре Департамента П. А. Вяземском, директоре канцелярии А. М. Княжевиче, позднее — В. А. Солоницыне, при служивших там же Н. В. Кукольнике, В. Г. Бенедиктове, А. П. Крюкове, Е. Ф. Корше представлял по-своему уникальное явление.

Помещенные в раздел «Приложение» 5 писем к Гончарову 1843–1844 гг. В. Андр. Солоницына (из них 3 публикуются впервые), его сослуживца по Департаменту и ближайшего друга дома Майковых⁶⁰, дефицит информации о службе писателя отчасти восполняют. По этим письмам можно составить представление как о внутридепартаментской служебной иерархии, так и о некоторых лицах в чиновническом окружении Гончарова. В письмах Солоницына упомянуты следующие младшие и старшие чиновники Департамента: Н. Ф. Козловский, И. А. Армстронг, К. К. Варлам, А. Г. Синявский, Ф. С. Иконников, Н. С. Юферов⁶¹. Любопытно, что их служба в Департаменте, как и служебная деятельность Гончарова, была достаточно длительной. Те же имена, не часто упоминаемые, мы найдем и в письмах писателя 1850-х гг.

Среди них интереснее других, пожалуй, фигура Андрея Петровича Коренева (1821–1891), ранее также в специальной литературе о Гончарове почти не упоминавшегося. Между тем именно он во время плавания на «Палладе» был одним из постоянных адресатов Гончарова. В 1849–1853 гг., согласно адрес-календарям, Коренев состоял секретарем при директоре Департамента внешней торговли (с 1851 г. надворный советник), с 1854 г. был начальником 2-го (Таможенного) отделения, в котором старшим столоначальником, непосредственно ему подчиненным, числился Гончаров⁶².

Уже в одном из первых экспедиционных писем — в письме к Н. А. Майкову и его семье от 20 ноября (2 декабря) 1852 г. из Портсмута, сообщая о своем решении, прервав плавание, вернуться в Петербург, Гончаров добавлял: «Я уже в Д<епартамен>т писал к Кореневу, что еду назад: Вы, Старик, скажите ему, что это опять изменилось, меня даже испугала мысль воротиться. Перед отъездом я опять напишу ему и тогда скажу, как можно ко мне писать и куда»

(15, 119). Старик — это Владимир Майков, прозванный в семье «стариком», «старичком» «по своему тихому и спокойному нраву»⁶³. Он, как и А. П. Коренев, служил в Департаменте внешней торговли Министерства финансов: с 1851 г. в Петербургской таможне, с 1854 г. — старшим помощником столоначальника, с 1855 г. — секретарем при директоре Департамента.

Через несколько дней, в письме из Портсмута к М. А. и Е. А. Языковым от 8 (20) декабря 1852 г. Гончаров и им сообщал о своих письмах Кореневу: «Может быть, это мое последнее письмо к Вам из Англии. Едва ли успею написать еще: надо писать и к своему начальству, и к сослуживцам, и к родным, а времени немного <...> пишите мне чаще обо всем по тому адресу, который я послал Кореневу. Если увидите его, скажите, что я ему напишу перед отъездом» (15, 123). И после отплытия из Англии он извещал Языкова: «...казенные бумаги мы все отправили с консулом, снимаясь с якоря, тогда и я послал письмо к Кореневу и Майковым...» (15, 131). Помимо двух писем из Англии, письмо Кореневу было отправлено Гончаровым с мыса Доброй Надежды (см.: 15, 144), а в письме Языковым из Кейптауна от 17 (29)—18 (30) марта 1853 г. он просил адресата: «Пожалуйста, заезжайте, милый Михайло Алекс<андрович>, в департамент, вызовите Андрея Петровича Коренева, скажите, что я ему кланяюсь <...> — и что, по возвращении из нашей экскурсии, буду писать к нему. А теперь дайте ему прочесть эти письма: из них он узнает, что я и где я». В конце письма уточнялось: «...не трудитесь заезжать к Кореневу: я написал к нему» (15, 145, 146).

В одном из майских писем 1853 г. (см.: 15, 152) Гончаров сообщал, что собирается написать Кореневу из Гон-Конга, однако письмо было отправлено раньше, из Сингапура (15, 164), и еще четыре письма ему же были написаны в августе и декабре 1853 и в июне и августе 1854 г. (точные даты неизвестны; см. упоминания: 15; 188, 193, 210, 219, 223). Таким образом, к числу утраченных или ненайденных писем Гончарова следует отнести 9 его писем к А. П. Кореневу 1852–1854 гг. Этим сведения о его адресате, к сожалению, исчерпываются⁶⁴, и можно только предположить, что с ним Гончарова связывали дружеские, а не строго служебные отношения.

Таким образом, восполнение значительных биографических лакун составило основную проблему комментария к первому тому писем Гончарова. В итоге существенно расширилось представление о его круге общения 1840–1850-х гг., в котором определились малоизвестные или же ранее вообще не упоминавшиеся лица из окружения Майковых (Азаревичи, Бороздны, Оржицкие, Тепляковы и др.), Языковых (Белавины, Колзаковы, Ростовские), из среды департамент-

ских чиновников. И время знакомства с ними писателя, и характер отношений, и степень близости — те задачи комментария, которые решались на данном этапе работы и которые вновь будут поставлены в работе над следующими томами писем.

¹ См.: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 2017. Т. 15: Письма 1842 — январь 1855 / Тексты подгот. и примеч. сост. А. Г. Гродецкая; ред. тома А. Ю. Балакин. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием тома и страницы.

² Сведения о «самых веселых и занимательных» письмах Гончарова университетской поры, адресованных старшему брату Н. А. Гончарову, имеются в воспоминаниях Г. Н. Потанина; см.: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Вступ. ст. А. Д. Алексеева; Подгот. текста и примеч. А. Д. Алексеева и О. А. Демиховской. Л., 1969. С. 31–32.

³ Даты даны по старому стилю для писем, написанных в России; письма, написанные вне России, даются с двойной датировкой.

⁴ «Диана» погибла в январе 1855 г. во время землетрясения близ г. Симода; подробнее о крушении фрегата и переговорах в Симода, с учетом русских, американских и японских источников, см. в примечаниях к очерку «Через двадцать лет» (3, 781–798).

⁵ *Гончаров И. А.* Необыкновенная история. (Истинные события) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Ф. Будановой // Лит. наследство. Т. 102: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М., 2000. С. 263.

⁶ *Анненский И. Ф.* Гончаров и его Обломов // Анненский И. Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 252 (Сер. «Лит. памятники»).

⁷ См. подробнее: *Гродецкая А. Г.* Проза И. А. Гончарова: 1830–1860-е (биографика, контекст, поэтика). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016. С. 12–21.

⁸ См.: Письма Гончарова. А. Н. Майкову. 1842–1888; Приложение. Письмо А. Н. Майкова Гончарову <1860> / Вступ. ст., публ. и коммент. С. В. Друговеико // Лит. наследство. Т. 102. С. 332–372.

⁹ См.: *Гродецкая А. Г., Сучков С. В.* Майкова Евгения Петровна // Русские писатели: 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 464–465; *Гродецкая А. Г.* Чувствительные и холодный: (В. А. Солоницын и семья Майковых); Из переписки В. А. Солоницына и Е. П. Майковой 1843–1844 гг. / Подгот. текста, примеч. А. Г. Гродецкой // Лица: Биограф. альманах. Т. 8. СПб., 2001. С. 5–49, 53–133. Далее сокращенно: *Лица*, с указанием страницы.

¹⁰ *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 20–24.

¹¹ Цит. по: 15, 512–513. См. также: *Гайнцева Э. Г.* Николай Аполлонович Майков и его воспоминания: (Из круга общения И. А. Гончарова) // Русская литература. 1997. № 1. С. 123–149.

- ¹² Об этой поездке см.: *Лица*. С. 43–44, 53–61.
- ¹³ См. об этом, например: *Пинженина Е. И.* Литературная «игра» в эпистолярной И. А. Гончарова // *Игра как прием текстопорождения*: Колл. монография. Красноярск, 2010. С. 74–80.
- ¹⁴ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 146, 163.
- ¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 4. № 42. Л. 1.
- ¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 4. № 47. Л. 1.
- ¹⁷ РО ИРЛИ. № 17015. Л. 9; из письма Ал. Майкова к матери от 14 декабря 1848 г.
- ¹⁸ См. публикацию писем: Из переписки Гончарова (Письма его к М. А. и Е. А. Языковым, И. Ф. Горбунову, Ю. Д. Ефремовой, А. В. Дружинину и А. В. Плетневой) / Публ. Б. Л. Модзалевского // *Временник Пушкинского дома*. 1914. Пг., 1915. С. 94–130; Тридцать четыре письма Гончарова к Ю. Д. Ефремовой (1849–1874) / С предисл. и примеч. Б. Модзалевского // *Невский альманах*. Пг., 1917. Вып. 2. С. 8–43.
- ¹⁹ См.: *Гончаров И. А.* Письма к И. И. Лъховскому (1857–1860) / Комментар. А. И. Груздева // *Литературный архив*. Л., 1951. Т. 3. С. 91–165.
- ²⁰ Там же. С. 145; письмо от 17 сентября 1858 г.
- ²¹ Библиотека для чтения. 1858. № 7.
- ²² *Гончаров И. А.* Письма к И. И. Лъховскому (1857–1860). С. 136; письмо от 1 (13) августа 1858 г.
- ²³ Оба опубликованы в «Морском сборнике» (1861. № 1, 2; 1862. № 2).
- ²⁴ См.: *Вдовин А.* Издательская экономика Ивана Гончарова: (писатель и Морское министерство) // *Новое литературное обозрение*. № 124 (2013. № 6). С. 120–121.
- ²⁵ См.: Письма Гончарова. В. Ф. Шаховской. 1844, 1849 / Вступ. ст., публ. и коммент. Т. Г. Динесман // *Лит. наследство*. Т. 102. С. 373–377.
- ²⁶ Источники сведений см.: 15, по указ.
- ²⁷ *Зотов Р. М.* Записки // *Исторический вестник*. 1896. Т. 65. С. 36.
- ²⁸ *Имеретинский Н., кн.* Из записок старого преображенца. 1854 год // *Русский архив*. 1884. Кн. III. Вып. 5–6. С. 389.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См.: Записки Черниговского губернского статистического комитета. Чернигов, 1868. Кн. 2-я. С. 95.
- ³¹ См.: *Нистрем К. М.* Адрес-календарь санктпетербургских жителей: В 3 т. СПб., 1844. Т. 1. С. 122–123; Т. 2. С. 413.
- ³² См., например: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 23; и др.
- ³³ См.: Алфавит декабристов / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., 1925. С. 142; Декабристы: Биограф. словарь-справочник. М., 1988. С. 134–135; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 309; и др.
- ³⁴ *Тепляков А. Г.* Воспоминание о В. Г. Теплякове // *Отечественные записки*. 1843. № 4. Отд. VIII. С. 74–103.

³⁵ См.: *Гродецкая А. Г.* Из переписки В. А. Солоницына и Е. П. Майковой 1843–1844 гг. С. 65, 71, 84, 92.

³⁶ См.: *Майков А. Н.* Путевой дневник 1842–1843 гг. Итальянская проза / Сост., подгот. текстов, статьи и коммент. О. В. Седельниковой. СПб., 2013. С. 49, 331–332.

³⁷ О последовательности работы писателя во время плавания над «записками» см. в примечаниях Т. И. Орнатской и В. А. Туниманова к «Фрегату «Паллада»» (3, 445–448, 467–474).

³⁸ См. о ней: *Гродецкая А. Г.* «Обрыв», прочитанный в дружеском кругу (два письма Гончарова к Е. А. Языковой) // *Русская литература.* 2016. № 4. С. 108–113.

³⁹ *А. К<они>*, М. А. Языков // *Неделя.* 1885. № 5. 6 февраля. С. 194. Текст некролога в расширенной редакции вошел в изд.: *Кони А. Ф.* Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 809–812. Ср. краткие сведения о нем в изд.: *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1888. Вып. 5. С. 147. Несколько подробнее справка Б. Л. Модзалевского, опубликовавшего в 1914 г. два письма Гончарова к М. А. и Е. А. Языковым; см.: *Модзалевский Б. Л.* Из переписки И. А. Гончарова // *Временник Пушкинского дома на 1914 год.* Пг., 1915. С. 100–101.

⁴⁰ Сведения о литературных опытах Языкова, достаточно случайных, все же имеются.

⁴¹ *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1986. С. 205.

⁴² *Гончаров И. А.* Необыкновенная история. (Истинные события). С. 205.

⁴³ См.: *Фет А. А.* Мои воспоминания: В 2 т. СПб., 1890. Т. 1. С. 133–134; Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861. М., 1930. С. 42–43, 274; и др.

⁴⁴ См.: *А. Р. <А. Редкин>*. Былое. Из воспоминаний о пятидесятых и шестидесятых годах // *Русская старина.* 1901. № 10. С. 151.

⁴⁵ Там же. С. 153.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См.: Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 2. С. 434, 435; Т. 3. С. 621. Общее место захоронения — Лазаревское кладбище Александро-Невской Лавры.

⁴⁸ См.: Путевые письма И. А. Гончарова из кругосветного плавания / Публ. и коммент. Б. Энгельгардта // *Лит. наследство.* М., 1935. Т. 22–24. С. 348.

⁴⁹ Там же. С. 374.

⁵⁰ РО ИРЛИ. № 8952. Л. 10 об.; ср.: 15, 146.

⁵¹ *Гончаров И. А.* Письма к И. И. Лъховскому (1857–1860). С. 104, 111, 125.

⁵² Там же. С. 99.

⁵³ Там же. С. 104.

⁵⁴ *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах / Изд. подгот. Т. И. Орнатская. Л., 1986. С. 620 (Сер. «Лит. памятники»).

⁵⁵ Там же. С. 647.

⁵⁶ См.: *Муратов А. Б.* И. А. Гончаров в министерстве финансов // И. А. Гончаров: (Новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск, 1976. С. 37–57; *Лоб-*

карева А. В. Новые материалы о службе И. А. Гончарова в Департаменте внешней торговли // И. А. Гончаров: Материалы междунар. конф. Ульяновск, 1994. С. 291–296.

⁵⁷ См.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 19, 55.

⁵⁸ Библиографические сведения о его беллетристике, путевых очерках и трактате по эстетике, написанных по-немецки и по причине «сильного писательского самолюбия» автора публиковавшихся анонимно, см.: Лебедев В. А. Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896. С. 12–13.

⁵⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. IV. С. 302.

⁶⁰ См. о нем: Лица. С. 5–49, 53–133; Гродецкая А. Г. 1) Солоницын Владимир Андреевич // Русские писатели: 1800–1917: Биогр. словарь. М., 2007. Т. 5. С. 771–773; 2) «Труд всегда был его страстью» (Л. Н. Майков о В. А. Солоницыне: неизвестные страницы воспоминаний) / Публ. А. Г. Гродецкой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2017. С. 292–309.

⁶¹ См. о них в примечаниях к текстам писем (15, по указ.).

⁶² См.: Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1855: [В 2-х ч.]. СПб., 1855. Ч. 1. С. 229; и др.

⁶³ Старчевский А. В. Один из забытых журналистов (Из воспоминаний старого литератора) // Исторический вестник. 1886. № 2. Отд. III. С. 376.

⁶⁴ Есть в письмах Гончарова и данные о получении им ответных писем Коренева (см.: 15, 172, 183).

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

(Ис)

013

ОТ ИСТОРИИ ТЕКСТА К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫПУСК 2

ЭТН

ИСТОРИЯ

М

И

И
9 И

Москва
ИМЛИ РАН
2019

8020-2-870 1021